

Г. Костырченко

ДОКТРИНА «СТАРШЕГО БРАТА» И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АНТИСЕМИТИЗМА В СССР В СВЕТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА В 1930-е гг.

Сталинская этнополитическая перестройка

Ровно сто лет тому назад с 23 сентября по 28 октября Киевский окружной суд рассматривал дело Менделя Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского. И хотя присяжные вынесли тогда оправдательный вердикт и пострадавшего от антисемитского навета Бейлиса освободили, тем не менее факт инспирирования этого скандального процесса властями вкупе с идейно близкими им ультраправыми общественно-политическими организациями («Союз Русского народа» и др.) явился провозвестием той катастрофической смуты, которая поразила Россию спустя четыре года. Правда, новые правители страны – возглавлявшиеся Лениным большевики – сразу объявили себя защитниками угнетавшихся царизмом нацменьшинств, которые они не только уравнили в правах с русскими, но и в чем-то даже поставили в привилегированное положение. Однако властный наследник Ленина Сталин не только свел на нет либеральные в духе «позитивной дискриминации»¹ этнополитические начинания своего предшественника, но и, развернув затем масштабный террор в этой сфере, так обострил ситуацию, что полностью выправить ее не удалось за все время существования Советского Союза, крах которого во многом и произошел потому, что сдетонировал «национальный вопрос» – эта политическая мина замедленного действия.

¹ Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 63–80.

Осуществляя в 1930-е гг. коренную ревизию так называемой ленинской национальной политики, Сталин, как представляется, находился под влиянием следующих политических моментов:

– разразившаяся в конце 1920-х гг. в глобальной экономике «великая депрессия» и начавшееся тогда постепенное сползание человечества в пучину новой мировой войны способствовали осознанию Сталиным жизненно важной необходимости государственно-политической консолидации СССР, призванной на фоне проявленной капитализмом слабости явить миру убедительную парадигму советской социалистической мощи; по сути программным явилось выступление Сталина 4 февраля 1931 г. на первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, на которой он, в общем-то, прозорливо заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»²;

– борясь за укрепление собственной единоличной власти, Сталин больше не желал оставаться на равных с другими советскими вождями и, как когда-то первый консул Французской республики Наполеон, воцарился абсолютной властью императора; политическая нестабильность в стране, которая искусственно нагнеталась самим Сталиным, благоприятствовала исполнению его честолюбивых планов, ибо тяжелые времена всегда взыскуют авторитарного лидера;

– будучи изощренным и циничным политиком, Сталин вполне осознал к концу 1920-х гг., что евреи и другие нацменьшинства, на которые сделал ставку Ленин (уподобился «возлюбившему» немцев Петру I), уже успешно выполнили возложенную на них историческую миссию – своей поддержкой помогли большевикам удержать власть и запустить механизм социальной модернизации страны, в том числе и ее этнической основы в лице русских;

– возникновение у Сталина того серьезного опасения, что инициированная им в 1923 г. политика «коренизации» кадров национальных республик может обернуться там этнонациональным сепаратизмом; особенно его тревожила Украина, руководство которой уже со второй половины 1920-х гг. подозревалось в заигрывании с местной культурной элитой и скатывании на позиции буржуазного национализма; в связи с этим, думается, достаточно будет лишь обозначить ключевые имена и сюжеты: историк-академик Михаил Грушевский, нарком просвещения Александр Шумский, его противостояние с Лазарем Кагановичем, преемник Шумского и давний критик сталинской «автономизации» (1922 г.) Николай Скрыпник, чью фана-

² Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 39.

тичную приверженность украинизации Сталин квалифицировал как национал-уклонизм и «грехопадение», писатель-коммунист Николай Хвильевой, который покончил с собой, как и Скрыпник, арестованные в 1929 г. ученые-лингвисты Сергей Ефремов и Андрей Никовский, которых наряду с прочим обвинили в том, что, обновляя словарь живого украинского языка, они изъяли из него слова «малоросс» и «хохол», но включили – «жид»; впрочем, все это были мелкие придирки, тогда как главным потаенным стимулятором данного прессинга на политико-культурную элиту Украины был параноический страх Сталина «потерять Украину»; именно это словосочетание он использовал в письме Кагановичу от 11 августа 1932 г., убеждая того, что в «Украинской компартии... обретается не мало гнилых элементов... прямых агентов Пилсудского»³;

– в преддверии новой мировой войны советского вождя все чаще тревожил призрак «лоскутной» Австро-Венгрии, развалившейся в результате предшествовавшего глобального политического катаклизма, о чем он неслучайно вспомнил, презентуя в конце 1936 г. проект новой конституции⁴; чтобы застраховать свою империю от подобной гибельной перспективы, Сталин и запустил тогда механизм лингвистической гомогенизации полиэтнического советского общества, действовавший на основе русской этнокультурной доминанты; хотя эта языковая политика и несла на себе определенный шовинистический налет той классической русификации, которая проводилась в период правления Александра III и которую Сталин познал, обучаясь в Горийском духовном училище, тем не менее она была обусловлена не столько идеологической причиной (как это было в царской России), сколько сугубой прагматикой и не содержала элементов явного административного насилия; насаждая языковое единообразие в этнически разнородном обществе, Сталин в условиях приближавшейся войны наверняка пытался главным образом поднять управленческую эффективность государства и укрепить национально-социальную сплоченность общества; даже такой ярый политический оппонент Сталина, как Л. Д. Троцкий отмечал, что тот использовал русский язык не как средство национального угнетения, а как инструмент управленческой централизации⁵; при этом ставилась задача не обрусения иноэтнического населения, а его советизации на русской лингвистической основе; и русские культурно деэтнизировались (советизировались) даже интенсивней, чем другие «социалистические

³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая. М., 2001. С. 273–274.

⁴ Правда. 26 ноября 1936.

⁵ Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 142–148.

нации»; ведь РСФСР, в отличие от других союзных республик, не имела ни национальной компартии, ни комсомола, ни даже академии наук.

Доктрина «старшего брата»

Кардинально преобразуя советскую государственность, Сталин апеллировал в идейном плане к исторической парадигме имперской российской государственности, прелюдией к которой послужила ранее сформулированная им теория построения социализма в отдельно взятой стране. Та заменила изрядно поблекшую и обветшавшую установку на мировую революцию, которая в значительной мере выработала к концу 1920-х гг. свой пропагандистский ресурс, да и явно ассоциировалась с преданным анафеме Троцким. Собственно, суть предпринятой Сталиным идеологической перестройки заключалась в замене ленинского большевистского интернационализма так называемым советским патриотизмом, который должен был обеспечить «морально-политическое единство» советского общества и сплочение его вокруг общенародного вождя. На упомянутой конференции 1931 г. Сталин торжественно объявил: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость»⁶.

Смену идеологических парадигм в СССР – интернационалистской на советско-патриотическую – предопределило то важное обстоятельство, что в глобальном соперничестве трех макроидеологий – либерализма, коммунизма и национализма – последний стал уверенно доминировать. К концу 1934 г. диктатура Сталина оформилась окончательно. В отличие от Ленина, он видел себя не столько всемирным коммунистическим лидером, сколько претендовал на роль правителя, тотально подчинившего себе как аппарат власти, так и общество в целом, во всем его социальном и национальном многообразии.

В конкретной интерпретации Сталина патриотическая идея представляла собой нечто эклектичное, амбивалентное, причудливым образом соединявшее в единое целое коммунистическую догматику и парадигму русского исторического величия. Из этих двух «неслиянных» идейных источников им было почерпнуто лишь то, что обеспечивало укрепление милитаризованной и чиновно-аппаратной государственности и консолидацию общества вокруг всевластного

вождя, и, наоборот, решительно отброшено все мешавшее достижению этой цели. Из прошлого был значительно больше востребован дух самодостаточности и изоляционизма старой Московии, чем западничество Петра Великого. При категоричном осуждении русского либерализма, с удивительной похожестью возрождались полицейско-бюрократические порядки периода царствования Николая I, так характеризовавшиеся М. Е. Салтыковым-Щедриным: «Время было глухое и темное. Правительство называли «начальством», а представление о внутренней политике исчерпывалось выражениями: «ежовые рукавицы» и «канцелярская тайна»⁷.

Весной 1936 г. Сталин был официально объявлен «отцом народов» СССР⁸. А выступая 25 ноября на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, вошедшем в историю как грандиозный пропагандистский спектакль под названием «Принятие сталинской Конституции», он торжественно возвестил о победе «ленинской национальной политики» в СССР, который «есть свободный союз равноправных наций»⁹. На самом деле под таким словесным соусом состоялись своего рода тайные похороны прежней этнополитической стратегии большевиков, основополагающим принципом которой был политически необходимый для них на первых порах приоритет прав национальностей над правами русского большинства.

Подлинную ленинскую национальную политику¹⁰ Сталин завуалировано подменил своей теорией «старшего брата», которая провозглашала (но фактически не обеспечивала!) этнополитическое главенство русских. Конкретная ее суть сводилась к следующему: поскольку русские и по занимаемой ими территории и по численности доминируют над другими народами СССР, а также лидируют в культурно-историческом и экономическом плане, они призваны (как это было и до 1917 г.) исполнять миссию государствообразующего народа, а по сему им поручалась роль «руководящей силы Советского Союза»¹¹.

⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина. М., 1980. С. 553.

⁸ Правда. 12 апреля 1936.

⁹ Правда. 26 ноября 1936.

¹⁰ В конце 1922 г. Ленин так сформулировал квинтэссенцию этой изначальной большевистской политики: «...Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации... должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359).

¹¹ Именно так выразился Сталин на приеме в Кремле по случаю победы в Великой Отечественной войне 24 мая 1945 г., поднимая тост за здоровье русского народа (Правда. 25 мая 1945 г.).

⁶ Сталин И. В. Указ. соч. Т. 13. С. 39.

В передовице «Правды» от 1 февраля 1936 г. провозглашалось: «В союзе союзных республик первой величины является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. И первым среди равных является русский народ». То, что он был автором новой национально-государственной доктрины, Сталин подтвердил 7 ноября 1937 г., когда заявил в своем близком окружении: «Среди равных наций государства и стран в СССР самая советская, самая революционная – это русская нация»¹².

Однако отнюдь не любовь к русским заставила холодного прагматика Сталина так их словесно возвеличить. Исходя из того, что этот народ был одной из наиболее многочисленных и великих мировых наций, он резонно посчитал его наиболее подходящим материалом для строительства своей империи, способным, подобно цементу, надежно скрепить воедино все ее этносы. Всякое другое историческое предназначение русских, особенно то, что ставило во главу угла отстаивание ими прав на собственную национальную и культурно-религиозную самобытность, Сталин решительно отвергал как антиимперское, репрессивно пресекая в зародыше.

Этнополитическая составляющая сталинской модели государственности имела строго иерархическую схему, в которой наверху стояли русские, уровнем ниже – украинцы, еще ниже – белорусы. Затем по нисходящей следовали другие народы, имевшие собственную государственность в виде союзных республик. Следующий по значимости «блок» составляли так называемые титульные народы автономных республик и т. д., вплоть до самой последней ступени этой этнопирамиды, которую занимали экстерриториальные национальные меньшинства, в том числе и евреи, чья автономия на Дальнем Востоке носила исключительно пропагандистско-символический характер. Характерно, что советское сокращение «нацмен» именно с середины 1930-х гг. стало приобретать уничижительно-пренебрежительный, а в просторечии и ругательный смысл.

Наблюдая за таким «обимпериванием» ленинского «проекта СССР» образца 1922 г., некоторые интеллигенты еврейского происхождения пребывали в растерянности. Некий искусствовед В. Блюм сетовал в письме Сталину на то, что со второй половины 1930-х гг. в советской пропаганде стали проступать черты «старого буржуазного и расистского оборончества». Этот адепт ленинского интернационализма искренне недоумевал: «Почему сейчас так много идет разгово-

¹² Застольные речи Сталина: Документы и материалы / сост. В. А. Невежин. М., 2003. С. 151.

ров о силе русского оружия в прошлом, которое служило средством закабаления и угнетения других народов?»¹³

Одним из логических следствий сталинской государственно-патриотической перестройки стали предпринятые в ходе «большого террора» массовые репрессии по так называемым национальным линиям, в ходе которых пострадали главным образом диаспоры враждебных СССР стран-лимитрофов, в том числе Польши, Финляндии и Литвы.

Генезис госантисемитизма

Главной предпосылкой официального аппаратного антисемитизма, собственно, и явилась описанная выше сталинская патриотизация власти, существенно повысившая градус ее этнонационализма, который по аналогии с законом сообщающихся сосудов корреспондирует обычно с антисемитизмом.

Основным социальным двигателем госантисемитизма стала сформировавшаяся к началу 1930-х гг. новая генерация советской бюрократии, в которой превалировала молодежь «рабоче-крестьянского» происхождения. Она стремилась к властным вершинам, но там баловали управленцы «первого призыва», вступившие в партию или еще до революции, или сразу после нее и заменившие в свое время в сфере управления старых русских чиновников, объявивших бойкот советской власти. Отнюдь неслучайно кульминация этого возникшего внутри правящей страты кадрового конфликта поколений совпала с «большим террором» 1937–1938 гг., инициированным Сталиным, дабы в том числе избавиться от не желавшей ему беспрекословно повиноваться аппаратной «ленинской гвардии». Одновременно он сделал ставку на молодых и более манипулируемых в силу «советского воспитания» бюрократов. Их сознание не было обременено ортодоксальным коммунистическим интернационализмом, как, впрочем, и вообще какой-либо идейностью, романтическому идеализму «старших товарищей» они противопоставили цинизм и беспринципность парвеню. Пробиваясь наверх на волне «большого террора» и проходя таким образом сталинскую школу аппаратного выживания, многие молодые управленцы пропитались духом конформизма, и готовы были на многое ради карьерного успеха и сопутствовавших ему материальных благ. К тому же эта аппаратная генерация, состоявшая по преимуществу из уроженцев

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 348. Л. 63–77.

русских деревень, оптимально соответствовала взятому Сталиным курсу на идеологическую перестройку в духе советского патриотизма. Если в 1930 г. почти 70 % секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий были партийцами с дореволюционным стажем, то в 1939 г. эти посты более чем на 80 % были укомплектованы лицами, вступившими в партию после смерти Ленина, а среди секретарей райкомов и горкомов таковых уже было более 93 %¹⁴.

Политика государственного антисемитизма, которая в малых дозах стала практиковаться Сталиным уже вскоре после «большого террора», была в чем-то созвучна ему, особенно в том, что она, используя более мягкие методы, продолжила чистку номенклатурных кадров ленинской интернациональной закваски, среди которых, как известно, было немало евреев. Сбылось тем самым пророчество видного монархиста-антисемита Василия Шульгина, написавшего следующее еще в 1927 г.: «Власть есть такая же профессия, как и всякая другая. Если кучер запьет и не исполняет своих обязанностей, его прогоняют. Так было и с нами: классом властителей. Мы слишком много пили и пели. Нас прогнали. Прогнали и взяли себе других властителей, на этот раз “из жидов”. Их, конечно, скоро ликвидируют. Но не раньше, чем под жидами образуется дружина, прошедшая суровую школу. Эта должна уметь властвовать, иначе ее тоже “избацают”»¹⁵.

Из документов Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б) – органов, ведавших назначением и перемещением руководящих кадров, – видно, что примерно с 1938 г. в святая святых партии – аппарате ЦК прекратились кадровые назначения чиновников еврейского происхождения, а с конца того же года, т. е. с началом советско-германского сближения, оттуда стали исподволь устранять тех из них, кто уцелел после «большого террора». Причем увольняли под благовидными предложениями, и, как правило, с последующим трудоустройством на менее значимые, но относительно престижные должности в наркоматы и другие государственные учреждения, откуда, впрочем, их через несколько лет вымыла следующая более мощная волна чистки по «пятому пункту».

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 696. Л. 185; Там же. Оп. 118. Д. 206. Л. 117–152; XVI съезд ВКП(б): Стенограф. отчет. М.; Л., 1930. С. 52; XVIII съезд ВКП(б): Стенограф. отчет. М., 1939. С. 149.

¹⁵ Шульгин В. В. Три столицы. Путешествие в красную Россию. Берлин, 1927. С. 135–137.

Роль Сталина

Следует особо отметить, что подспудный антисемитский тон кадровым чисткам конца 1930-х гг. задавал непосредственно Сталин. Это подтверждал впоследствии Л. М. Каганович. Когда тот, будучи в 1939 г. наркомом путей сообщения, представил в Кремль список кандидатов на руководящие должности в своем ведомстве, Сталин из-за обилия в нем еврейских фамилий его забраковал, сославшись на следующее наставление Ленина: «Товарищ Сталин! Запомните раз и навсегда и зарубите себе на носу, батенька: если у вас начальник – еврей, то зам. непременно должен быть русским! И наоборот!»¹⁶ Сталин несомненно лукавил. Ведь советовать подобное Ленин мог, только опасаясь роста и без того сильного на заре советской власти общественного антисемитизма. Тогда как Сталин, вспомнив об этом эпизоде двадцатилетней давности, отказал Кагановичу уже по другой причине: не потому, что боялся спровоцировать взрыв антиеврейских настроений – это исключалось в полностью контролировавшемся им обществе – а просто он считал, по словам Молотова, что на «высокие посты надо допускать в основном русских, украинцев и белорусов»¹⁷. Назначая в мае 1939 г. того же Молотова наркомом иностранных дел, Сталин, который шутиливо именовал его Молотовштейном¹⁸, приказал: «Убери из наркомата евреев». «Слава Богу, – вспоминал Молотов, – что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост ташил»¹⁹.

Характеризуя сформировавшуюся к началу 1940-х гг. позицию Сталина по «еврейскому вопросу», Никита Хрущёв впоследствии отмечал, что Сталин формально боролся с антисемитизмом «как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму»²⁰.

Имея в виду предвоенный период, дочь Сталина Светлана писала, что «в те годы он еще не высказывал свою ненависть к евреям так

¹⁶ Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 99–100.

¹⁷ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 276.

¹⁸ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг. (Сб. док.) / сост. Л. Кошелева, Л. Роговая, О. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 169.

¹⁹ Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым... С. 274.

²⁰ Хрущев Н. С. Воспоминания // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 56, 59.

явно, – это началось у него позже, после войны, но в душе он никогда не питал к ним симпатии»²¹.

Роль аппарата

Если Сталин был вдохновителем и мозгом новой («этнизированной») номенклатурной политики, то ее аппаратным сердцем и колыбелью официального антисемитизма являлся образованный в 1934 г. Отдел руководящих партийных органов (ОРПО), который возглавлял молодой и достаточно способный аппаратчик Георгий Маленков. Именно в недрах этой цековской структуры в конце 1938 г. (27 ноября) был рожден ключевой, как представляется, документ – справка «О засоренности аппарата Наркомздрава СССР». В ней группа медработников, преимущественно евреев, по явно этническому признаку причислялась к категории «лиц, не заслуживающих политического доверия», что было впервые в практике работы аппарата ЦК. Давая понять вышестоящему начальству, что именно позволило обвинить этих людей в кадровом неблагополучии в медицинском ведомстве, рядом с их фамилиями уточнялось: «еврей», «еврейка»²².

В начале 1939 г. ОРПО был преобразован в Управление кадров, которое, будучи своего рода аппаратным монстром, ведало всеми назначениями, увольнениями и перемещениями руководящих чиновников – от наркомов до директоров совхозов. К этому управлению, которое опять же возглавил ставший тогда секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков, и перешла эстафета главного генератора государственного антисемитизма в стране. Вторым по значимости проводником этой политики стало образованное тогда же Управление пропаганды и агитации ЦК, которому Сталиным были приданы все атрибуты исполненного имперским духом высшего идеологического ведомства. Руководить этой бюрократической машиной Сталин поручил «человеку» Маленкова Георгию Александрову²³, яркому представителю новой плеяды карьерных партаппаратчиков, воспитанных в духе абсолютной преданности Сталину.

²¹ Алдилуева С. И. Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 124.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 36. Л. 213.

²³ Александров не только отлично разбирался в хитросплетениях сталинской национальной политики, но и педантично ей следовал. Когда после состоявшегося в Киеве 29 ноября 1943 г. митинга по случаю освобождения города от гитлеровцев его участники направили в Москву текст торжественного адреса «Украинский народ – великому русскому народу», Александров запретил его публиковать, мотивируя тем, что «всеми признано, что русский народ является старшим братом в семье народов Советского Союза» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 190. Л. 25–42).

Именно из недр идеологического ведомства партии 11 апреля 1941 г. вышел весьма примечательный документ, намекавший на «засоренность» академического Института мирового хозяйства и мировой политики кадрами еврейского происхождения. И хотя о «еврейском засилье» в документе по понятным причинам прямо не говорилось, тем не менее его скрытый антисемитский подтекст был очевиден²⁴.

* * *

Итак, к началу 1940-х гг. сталинский антисемитизм, который начиная с середины 1920-х гг. (в ходе борьбы с партийной оппозицией) лишь изредка использовался в тайной агитации против политических соперников в борьбе за власть (партийно-пропагандистский антисемитизм), был окончательно «пересажен» на номенклатурную почву, благодаря чему обрел статус систематической государственной политики.

Главную роль в генезисе официального антисемитизма сыграл фактор единовластия Сталина. Этот политический момент имел как объективную, так и субъективную составляющие. Первая проявилась в том, что антисемитизм стал системным явлением, производным от политического режима Сталина, точнее, от таких его несущих конструкций, как руссоцентричная модель национальной политики и идеология осажденной крепости, насаждавшая политический изоляционизм и ксенофобию. Если в нацистской Германии официальный антисемитизм носил самодовлеющий характер, то в СССР он служил средством укрепления единовластия Сталина и был следствием социально-политической автаркии страны. После смерти «вождя народов» режим власти в стране хоть и отказался от прежних репрессивных крайностей, однако принципиально не изменился. Вот почему антисемитизм – пусть и в значительно меньшей концентрации – продолжал присутствовать во власти вплоть до конца 1980-х гг.

Следует особо отметить, что официальный антисемитизм в многонациональном и декларативно интернационалистском Советском Союзе никогда не носил, в отличие от мононациональной нацистской Германии, тотально-репрессивного характера и развивался медленнее, и не имел легитимного статуса. В отличие от Гитлера, Сталин не был идейным антисемитом. Если нацистское «окончательное решение» («Endlösung») предусматривало полное физическое уничто-

²⁴ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. (Россия. XX век: Документы) / сост. Г. В. Костырченко. М., 2005. С. 24–26.

жение евреев, то сталинская «еврейская политика» ставила во главу угла ассимиляцию, изначально считавшуюся в марксистской теории объективным и потому прогрессивным явлением. Официальному антисемитизму в СССР была присуща латентная, «изподтишковая» тактика, использовавшая в качестве прикрытия риторику о «коренизации» кадров, которая в свою очередь прокламировала номенклатурный приоритет представителей «титудной» национальности. Негласность и дозированность сталинского антисемитизма исключали возможность осуществления массовых репрессивных антиеврейских акций.